

УДК 327.7(4)
ББК 66.4(4),60

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Синегубов Алексей Леонидович

Соискатель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России,
советник посольства РФ в Латвии
sinegubov@mail.ru
ул. Антонияс, 2, Рига LV-1010, Латвия

Сафранчук Иван Алексеевич

Кандидат политических наук, доцент, заместитель руководителя,
Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России,
доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России
And6958@yandex.ru
б. Козловский, 4, 107078 г. Москва, Российская Федерация
ул. Лобачевского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается роль сетевых структур во внешней политике ЕС. Роль сетевых структур в функционировании объединенной Европы выступает в предложенном анализе как модель взаимодействия государства и негосударственных акторов в современной мировой политике. Как показывает ряд исследований, в частности, проект национального совета по разведке США, существует тенденция к росту влияния негосударственных игроков. Модель взаимодействия, возникшая в ЕС, может рассматриваться как прообраз будущего. Поэтому силу, применяемую ЕС, называют «постмодерновой». Данная модель способствует широкому использованию «мягкой силы» и различных ее производных, в частности, «нормативной» и «сетевой силы». Причиной возникновения анализируемой модели является квазифедеральный характер устройства ЕС, характеризующийся множеством пересекающихся и делегированных суверенных функций. Сетевые практики и сетевые технологии широко применяются в ходе выработки и реализации политики ЕС на трех уровнях: 1) общая выработка и реализация внешней политики ЕС, 2) политика расширения ЕС и более глубокая интеграция недавно вошедших в ЕС стран в общеевропейскую жизнь, 3) политика «соседства» и «европеизации» соседних с ЕС государств, которые не планируется включать в «объединенную Европу». На последнем направлении политика ЕС сталкивается с политикой России, что делает предлагаемое исследование политически актуальным.

Ключевые слова: внешняя политика ЕС, сети, негосударственные акторы, «мягкая сила», политика соседства.

В современном глобализованном мире резко выросла значимость новых акторов мировой политики (НГО, ТНК, масс-медиа,

и т. п.). Распространение системы Интернет ведет к переплетению между собой этих игроков в виде сетевых организационных струк-

тур. Последние превращаются в форму организации взаимодействия государства и негосударственных акторов в современной мировой политике.

Как показывает проект национального совета по разведке США «Глобальные тенденции к 2030 г.: Альтернативные миры», существует тенденция к дальнейшему росту влияния этих новых игроков. Национальный совет по разведке даже сформулировал новый сценарий будущего – «негосударственный мир». Согласно этому сценарию, «НГО, ТНК, академические институты и богатые индивиды, точно также, как субнациональные единицы, такие как крупные города, процветают и лидируют в противодействии глобальным вызовам. Новые возникающие технологии, которые способствуют большему усилению индивидов, малых групп и случайных коалиций подхлестывают увеличивающуюся силу негосударственных игроков. Возникает транснациональная элита, которая руководит ключевыми негосударственными акторами. Глобальный консенсус общественного мнения по поводу основных вызовов, объединяющий элиты и средний класс, образует базу для их поддержки и силы. Страны не исчезают, но правительства все больше видят свою роль в качестве сил, организующих и оркестрирующих "гибридные" коалиции государств и негосударственных акторов (выделено нами, – А. С.), которые изменяются в зависимости от конкретных вызовов» [16].

Способ объединения негосударственных структур в мировой политике, который характерен для современного мира, обычно понимают как «сетевой». Сеть – это совокупность элементов, соединенных между собой теми или иными связями. Можно выделить три важных типа сетей. Это – технические сети, где элементами являются технические устройства (например, компьютеры). Это – социальные межличностные сети, где элементами являются отдельные личности. Наконец, это – социальные межорганизационные сети, где элементами являются организации [1]. Именно к последнему типу относятся сети, включающие в себя государственных и негосударственных акторов. Тем не менее, современные сетевые технологии, как правило, обеспечивают взаимодействие между всеми тремя типами сетей,

добиваясь недоступных ранее, в рамках более традиционных технологий, результатов. Поэтому сети, включающие в себя государственных и негосударственных акторов, взаимодействуют и тесно переплетаются с техническими и межличностными сетями.

По ряду причин, которые будут перечислены ниже, элементы социальной сетевой организации в сфере политики оказались особенно широко распространены в Европе. В этом плане ЕС можно вполне рассматривать как прообраз того мира будущего, который рисует нам упомянутый выше доклад национального совета по разведке США (недаром в самой Европе встречается даже выражение «постмодерновая сила» (post-modern power) в применении к ЕС). Ниже мы рассмотрим то, как данная специфика Европы сказывается на некоторых ключевых международно-политических проблемах, имеющих актуальность в том числе для нашего государства. Широко известное среди экспертов разделение труда внутри стран НАТО по принципу «США проводят военные операции, а ЕС осуществляет постконфликтное урегулирование» также предопределило особенно широкое применение сетевых практик организации государственных и негосударственных акторов в европейской политике. Причиной этого является то, что, как мы покажем ниже, сетевые практики позволяют Европе защищать свои интересы и продвигать свои ценности без использования традиционной «жесткой силы». Таким образом, сетевые практики взаимодействия государственных и негосударственных акторов являются формой «мягкой силы» в условиях глобализации.

Среди специалистов по внешней и внутренней политике ЕС широко распространен стереотип о том, что политика «объединенной Европы» носит строго нормативный и, следовательно, формализованный характер, то есть, что она опирается исключительно на международные документы, институты и организации. Этот подход поддерживается представлением в европейской прессе о роли ЕС в мире как «нормативной силы» (normative power [22]), «гражданской силы» (civilian power) и даже «постмодерновой силы» (post-modern power). Все эти разновидности силы можно рассматривать как производные «мягкой силы» и дальнейшее развитие в Европе соответствующей теории

Дж. Ная [13;14]. В этом плане Европу обычно противопоставляют США, России и другим «традиционным» державам, сочетающим «жесткую» (hard power, военно-экономические возможности), «мягкую» (soft power, привлекательность политики) и «умную» [15] (smart power, эффективно и точно применяемую силу). Все эти теории поддерживают представление о нормативной и высоко институционализированной внешней политике ЕС. Подобные стереотипы (или, по крайней мере, скрытые внутри них противоречия) частично опровергаются европейскими экспертами, изучающими роль сетевых практик во внешней и внутренней политике ЕС.

Сетевые практики и сетевые технологии широко применяются в ходе выработки и реализации политики ЕС на трех уровнях: 1) выработка и реализация внешней политики ЕС, 2) политика расширения ЕС и более глубокая интеграция недавно вошедших в ЕС стран в общеевропейскую жизнь, 3) политика «соседства» и «европеизации» соседних с ЕС государств, которые не планируется включить в «объединенную Европу». Последнее направление в силу столкновения интересов России на постсоветском пространстве с некоторыми из проектов «расширенной Европы» (особенно, «Восточным партнерством») представляет особый интерес с точки зрения России.

Широкое распространение сетевых практик и технологий в рамках политики «соседства» позволяет даже говорить о становлении нового типа силы – «сетевой силы» (network power). Она позволяет целенаправленно формировать международную среду в соответствии с ценностями и интересами ЕС, игнорируя суверенитет государств и действуя без применения традиционных военных, экономических и даже пропагандистских инструментов. При этом интегрируются социальные и технические сетевые технологии, то есть обеспечивается эффективное взаимодействие социальных и технических сетей. Европейские эксперты отмечают, что эта разновидность «силы» ЕС, связанная, в том числе, с распространением практик и стандартов ЕС на постсоветские государства, в ряде случаев конкурирует с влиянием России [19].

В сфере выработки и реализации внешней политики ЕС сетевые практики в основ-

ном рассматриваются либо как способ обеспечения максимально широкого демократического участия (англосаксонские эксперты), либо как наиболее эффективный метод управления в условиях глобализации (немецкие эксперты) [2].

Существует еще ряд дополнительных теорий, объясняющих широкое распространение сетевых практик в органах и структурах ЕС в области выработки внутренней политики. Во-первых, сама квазифедеральная структура «единой Европы» способствует распространению сетевых практик, что показывает даже сравнение с США как «нормальным» федеральным государством [18]. ЕС представляет собой сложную структуру, в рамках которой переплетены в запутанный клубок взаимодействий национальные и наднациональные, государственные и негосударственные организации. В условиях ЕС нет единой «вертикали» и иерархической структуры принятия решений, а все решения принимаются путем сложного согласования и обмена мнений на многих уровнях (наднациональный, национальный, регионы и НПО), между многими функциональными структурами (в области экономики, политики, безопасности, и т. д.), а также между государственными и негосударственными структурами (гражданским обществом, прессой, бизнесом). Во-вторых, сетевые практики соответствуют современному глобализирующемуся и постиндустриальному миру, в котором национальные и даже наднациональные (ЕС) правительства не могут контролировать все ключевые процессы. Последние по определению носят глобальный характер и потому не поддаются прямому управлению на более низком уровне. Полезной альтернативой традиционным методам в этой ситуации становится сетевое взаимодействие. В-третьих, сетевые практики принятия внутриполитических решений в условиях демократии позволяют наладить более эффективное взаимодействие между государственными и негосударственными структурами (НПО, СМИ и т. д.).

Большая роль сетевых практик в выработке и реализации политики внутри ЕС предопределила применение данных практик в рамках политики расширения ЕС. Сетевые практики сыграли большую роль в распрост-

ранении норм и ценностей ЕС в Центральной, Восточной и Южной Европе. Они стали способом «проецирования» на «Новую Европу» западных ценностей и практик. В частности, согласно одному исследованию, международные сетевые связи серьезно способствовали проведению военной реформы по образцу армий стран НАТО, а также внедрению практики независимости Центральных банков от правительств в Восточной Европе [6].

Тем не менее роль сетевых практик в политике ЕС, как ее видят европейские эксперты, следует отличать от распространенных в России и ряде других стран за пределами Европы «теорий заговоров». Западные специалисты в большинстве своем полагают, что сети – это не субъекты, а структуры, то есть чаще всего сетевые процессы – есть результат не целенаправленной деятельности, а спонтанной самоорганизации (хотя и возможность манипуляции сетями тоже существует, и следовательно, полностью противопоставлять европейский подход российскому нельзя).

После формального включения новых государств в состав ЕС сетевые практики стали обеспечивать интеграцию «Новой Европы» в европейские процессы. В частности, как утверждает один из специалистов по «политическим сетям», реальная интеграция представителей восточноевропейских стран в процессы принятия политических решений в ЕС была бы невозможна без интенсивных сетевых взаимодействий [17].

Логичным продолжением широкого применения сетевых практик во внутренней политике ЕС и в политике расширения ЕС стало распространение сетевых практик на политику соседства. В данной сфере сетевые практики, по мнению ряда экспертов, из способа выработки политических решений внутри ЕС и вовлечения в них максимального числа участников превращаются в способ «проецирования» силы ЕС вовне. Это позволяет нетрадиционным и максимально неконфликтным путем защищать европейские интересы в кризисных зонах. Примером могут служить некоторые элементы политики «соседства» и особенно программа «Восточное партнерство». В данной программе можно специально отметить те ее элементы, которые направлены на развитие сети гражданских организаций в государствах-соседах Европы.

Согласно мнению многих авторов «либерального» направления (это мнение подвергается критике более консервативных экспертов-неореалистов), ЕС представляет собой «новый тип» международной силы (power). Это мнение получило в настоящее время преобладание в структурах власти в самой Европе. Развитие представления о ЕС как о «новом типе» мировой силы тесно связано с созданной ранее американскими неолибералами (Дж. Най [13; 14]) теорией «мягкой силы» и новой активно развиваемой в США теорией «умной силы» [15]. Следует отметить, что эти взгляды подвергаются серьезной критике со стороны реалистов (неореалистов), которые признают только «жесткую силу» (то есть военные и экономические рычаги политики государства).

Упомянутые выше критические взгляды на либеральные подходы к описанию внешней политики ЕС имеют определенные основания, особенно в сфере энергетической безопасности, где непосредственно сталкиваются интересы России и европейских стран. Как отмечают эксперты, в энергетической политике ЕС и в политике в сфере обеспечения энергетической безопасности особенно остро встает противоречие между «либеральными» аспектами политики Европы и стремлением к установлению контроля над источниками энергоносителей [9] или к минимизации возможности использования другими державами энергоносителей в качестве «энергетического оружия» [24; 21; 8; 26].

Элементы силовой политики в области энергетической безопасности ведут к усилению государственного контроля внутри ЕС, что противоречит либеральным ценностям (пример – недавно принятое законодательство, напрямую направленное против инвестиций Газпрома в Европе) [5]. Данная политика также связана с активным распространением норм и ценностей ЕС на Восток, что по мнению некоторых экспертов (публициста и преподавателя из Оксфорда Марка Леонарда, бывшего британского дипломата и сотрудника генерального секретариата Совета ЕС Роберта Купера [25]), может быть сопоставлено по ряду признаков с традиционной политикой создания имперских зон влияния или зон «имперского мира». Такой подход получил название теории «Европейской империи» или «Ев-

росферы». Исторически сходный синтез либерально-правовых ценностей и их силового распространения был характерен, например, для Британской империи особенно на более поздних этапах ее существования [7]. «Нелиберальные» аспекты внешней политики ЕС наиболее активно проявляются по отношению к России, странам Черноморско-Каспийского региона, странам Ближнего Востока [23; 9].

В целом критика «либеральных» описаний политики ЕС вскрывает элементы традиционного империализма и силовых подходов, в сильно видоизмененной форме проявляющиеся в отдельных элементах европейской политики, особенно там, где интересы ЕС как нового типа политической силы сталкиваются с традиционными интересами сильных государств (Россия) или с глубокими системными конфликтами (Ближний Восток). Сторонники консервативного реалистского (неореалистского) подхода полагают, что существование тех сфер, где чисто либеральная политика невозможна, вскрывает саму природу мировой политики, где царят анархия, конфликты и право силы.

Видоизмененная форма имперской политики в этих «критических» для либерализма сферах требует и специфических инструментов, которые бы позволили сохранить общую либеральную природу политики ЕС. В этой ситуации особенно востребованными оказываются сетевые технологии, представляющие собой нетрадиционный и, как кажется, несиловой способ защиты собственных интересов. Одновременно европейские эксперты, политики и общественное мнение становятся очень чувствительными к возможностям применения «сетевой силы» конкурентами ЕС в данных «критических зонах». В частности, особенно острой критике подвергается использование сетевых ресурсов влияния Россией и Газпромом [10; 20; 21]. Последние критикуются как «экспорт коррупции» в Европу (больше характерно для либералов) и как «способ давления» или даже «новый тип оружия» (больше характерно для неореалистов).

Однако как бы теории о «новых» и специфических характеристиках политики ЕС на международной арене ни критиковались консервативно настроенными экспертами-неореалистами, они все же объективно отражают

многие специфические свойства реальной европейской практики. Эти характеристики также делают неизбежным широкое применение сетевых технологий во внешней политике «единой Европы». При этом при помощи сетевых практик, соответственно, идет распространение вовне европейских норм и практик, осуществляется широкое взаимодействие с негосударственными структурами за рубежом и отрицаются традиционные системы координат, связанные, например, с «Потсдамско-Ялтинским порядком» или с другими «неевропейскими» системами ценностей и норм.

В рамках программы «Восточного партнерства» ЕС широкое применение нашли социально-сетевые технологии, в частности, связанные с налаживанием взаимодействия с правительственными и неправительственными организациями вовлеченных в данную программу постсоветских государств. Ряд влиятельных экспертов (например, эксперт Европейского совета по международным отношениям Э. Вилсон) полагают, что развитие таких форм сетевого сотрудничества тесно связано с ростом «мягкой силы» ЕС на постсоветском пространстве, где она напрямую вступает в конкуренцию с «мягкой силой» России [19].

Сетевые технологии получили широкое применение и в ходе «цветных революций» на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Молдова), хотя во многих из них роль структур и программ ЕС была второстепенной по сравнению с ролью других внутренних и мировых сил. К последним можно отнести, например, неоконсерваторов в администрации Дж. Буша-младшего и связанных с ними групп (вице-президент, министр обороны) по активному и даже революционному распространению «демократических ценностей» в мире или с политикой ряда международных неправительственных структур, например, связанных с фондом Дж. Сороса. В ходе «цветных революций» социальные сетевые технологии широко взаимодействовали с техническими сетевыми технологиями. В частности, особенно характерно такое взаимодействие было для ситуации в Молдове в 2009 г., где соответствующие события были даже названы «революцией Твиттера» (Твиттер – социально-техническая сеть, интегрирующая технические возможности Интернета и мобильных телефонов

и широко распространенная среди молодежи и высокообразованных кругов общества). При этом именно в Молдове роль политики ЕС (особенно в силу румынского фактора и массовой трудовой миграции молдаван в Европу) была наиболее ярко выраженной. Позднее практика «революций Твиттеров» широко распространилась по миру в ходе «арабской весны». В этой связи можно прогнозировать расширение применения сетевых практик, интегрирующих социальные и чисто технические подходы в ходе реализации политики ЕС по отношению к постсоветским странам.

В связи со всем вышеозначенным необходимо учитывать роль сетевых практик, распространенных в Европейском союзе, для обеспечения эффективного взаимодействия России со структурами ЕС. Следует обращать пристальное внимание на применение сетевых практик в ходе реализации «Восточной политики» ЕС в случаях, когда возникают элементы конфликта между «мягкой силой» России и ЕС. Актуальным становится также изучение методов сетевого анализа и сетевых технологий, что существенно для подготовки кадров, занимающихся как аналитикой, так и практической деятельностью.

В теоретическом же плане следует обратить внимание на сетевой способ организации взаимодействия государственных и негосударственных акторов современной мировой политики как на новую, стремительно развивающуюся тенденцию. Сетевые практики взаимодействия государственных и негосударственных акторов являются формой «мягкой силы» в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеев, В. М. Сетевые аспекты проблем обучения в социальных науках / В. М. Сергеев, А. А. Казанцев, К. Е. Коктыш. – М. : Проспект, 2010. – 197 с.
2. Boerzel, T. A. 'Organizing Babylon: On the Different Conceptions of Policy Networks' / T. A. Boerzel // *Public Administration*. – 1998. – Vol. 76. – Iss. 2. – P. 253–273.
3. Boerzel, T. A. Networks in EU Multi-level Governance: Concepts and Contributions / T. A. Boerzel, K. Heard-Laureote // *Journal of Public Policy*. Cambridge University Press. – 2009. – № 29, Iss. 2. – P. 135–152.
4. Cooper, R. *The Breaking of Nations* / R. Cooper. – L. : Atlantic Books, 2003. – 144 p.
5. Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC Text with EEA relevance // *Official Journal L 211*, 14/08/2009. – P. 0094–0135.
6. Epstein, R. In pursuit of liberalism: International institutions in Postcommunist Europe / R. Epstein. – Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 2008. – 280 p.
7. Ferguson, N. *Empire. How Britain Made the Modern World* / N. Ferguson. – L. : Allen Lane, 2003. – 417 p.
8. Janeliunas, T. Energy Security Of Lithuania: Challenges And Perspectives / T. Janeliunas, A. Molis // *Lithuanian Political Science Yearbook*. – 2005. – Iss. 01. – P. 200–223.
9. Westphal, K. Energy policy between multilateral governance and geopolitics: whither Europe? / K. Westphal // *Internationale Politik und Gesellschaft*. – 2006. – № 4. – P. 44–62.
10. Kupchinsky, R. *Gazprom's European Web*. Jamestown Foundation / R. Kupchinsky. Washington D. C. : Jamestown Foundation, 2009. – 144 p.
11. Leonard, M. Why Europe will run the 21-st century / M. Leonard. – L. : Fourth Estate, 2005. – 192 p.
12. Manners, I. Normative power Europe: A contradiction in terms? / I. Manners // *Journal of Common Market Studies*. – 2002. – Vol. 40, № 2. – P. 235–258.
13. Nye, J. S. Jr. *Bound to lead: the changing nature of American power* / J. S. Nye Jr. – N. Y. : Basic Books, 1991. – 336 p.
14. Nye, J. S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* / J. S. Nye Jr. – N. Y. : Public Affairs Group, 2004. – 397 p.
15. Nye, J. S. Jr. *Smart Power* / J. S. Nye Jr. // *The Huffington Post*. – 2007. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/smart-power_b_74725.html. – Title from screen.
16. National Intelligence Council of USA, *Global trends 2030: Alternative worlds*, December 2012 – Electronic text data. – Mode of access: www.dni.gov/nic/globaltrends. – Title from screen.
17. Peterson, J. *Policy Networks*. Institute for Advanced Studies / J. Peterson. – Vienna, 2003. – 30 p.
18. Peterson, J. *Federal Governance in the United States and the European Union: a Policy Network Perspective* / J. Peterson, L. J., O'Toole Jr. // *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the United States and the European Union*. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. – 556 p.
19. Popescu, N. *The limits of enlargement-lite: European and Russian power in the troubled*

neighbourhood. Policy report / N. Popescu, A. Wilson. – L. : European Council on Foreign Relations, 2009. – 64 p.

20. Valasek, T. NATO, Russia and European security. Centre for European Reform / T. Valasek. – L. : Center for European Reform, 2009. – 40 p.

21. Smith, K. C. Russia and European energy security: Divide and Dominate. October 2008 / K. C. Smith. – Washington DC : Center for Strategic and International Studies. – 26 p.

22. Wood, S. The European Union: a normative or normal power? / S. Wood // *European Foreign Affairs Review*. – 2009. – № 14. – P. 113–128.

23. Wood, S. Energy security, normative dilemmas, and institutional camouflage: Europe's pragmatism / S. Wood // *Politics and Policy*. – 2009. – № 37(3). – P. 611–635.

24. Baran, Z. EU Energy Security: Time to End Russian Leverage / Z. Baran // *The Washington Quarterly*. – 2007. P. 131–144.

25. Zielonka, J. Europe as Empire / J. Zielonka. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 293 p.

26. Kovacovska, L. European Union's Energy (In)security – Dependence on Russia. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.defenceandstrategy.eu/cs/aktualni-cislo-2-2007/clanky/>. – Title from screen.

REFERENCES

1. Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Koktysh K.E. *Setevye aspekty problem obucheniia v sotsial'nykh naukakh*. Moscow, Prospekt.

2. Boerzel T.A. 'Organizing Babylon: On the Different Conceptions of Policy Networks'. *Public Administration*, 1998, vol. 76, iss. 2, pp. 253–273.

3. Boerzel T.A. Heard-Laureote K. Networks in EU Multi-level Governance: Concepts and Contributions. *Journal of Public Policy*. Cambridge University Press, 2009, no. 29, iss. 2, pp. 135–152.

4. Cooper R. *The Breaking of Nations*. London, Atlantic Books, 2003. 144 p.

5. Directive 2009/73/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 concerning common rules for the internal market in electricity and repealing Directive 2003/54/EC Text with EEA relevance, *Official Journal L 211*, 14/08/2009, pp. 0094–0136.

6. Epstein R. *In pursuit of liberalism: International institutions in Postcommunist Europe*. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 2008. 280 p.

7. Ferguson N. *Empire. How Britain Made the Modern World*. London, Allen Lane, 2003. 417 p.

8. Janeliunas T., Molis A. Energy Security Of Lithuania: Challenges And Perspectives. *Lithuanian Political Science Yearbook*. 2005, iss. 01, pp. 200–223.

9. Westphal K. Energy policy between multilateral governance and geopolitics: whither Europe? *Internationale Politik und Gesellschaft*. 2006, no. 4, pp. 44–62.

10. Kupchinsky R. *Gazprom's European Web*. Jamestown Foundation. Washington DC, Jamestown Foundation, 2009. 144 p.

11. Leonard M., *Why Europe will run the 21-st century*. London, Fourth Estate, 2005. 192 p.

12. Manners I. Normative power Europe: A contradiction in terms? *Journal of Common Market Studies*, 2002, vol. 40, no 2, pp. 235–258.

13. Nye J.S. Jr. *Bound to lead: the changing nature of American power*. New York, Basic Books, 1991. 336 p.

14. Nye J.S. Jr. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs Group, 2004. 397 p.

15. Nye J.S. Jr. Smart Power. *The Huffington Post*, 2007. Available at: http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/smart-power_b_74725.html.

16. *National Intelligence Council of USA, Global trends 2030: Alternative worlds, December 2012*. Available at: www.dni.gov/nic/globaltrends.

17. Peterson J. *Policy Networks*. Institute for Advanced Studies. Vienna, 2003. 30 p.

18. Peterson J., O'Toole L.J. Jr. Federal Governance in the United States and the European Union: a Policy Network Perspective. *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the United States and the European Union*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2001. 556 p.

19. Popescu N., Wilson A. *The limits of enlargement-lite: European and Russian power in the troubled neighbourhood*. Policy report. London, European Council on Foreign Relations, 2009. 64 p.

20. Valasek T. NATO, Russia and European security. Centre for European Reform. London, Center for European Reform, 2009. 40 p.

21. Smith K.C. *Russia and European energy security: Divide and Dominate. October 2008*. Washington DC, Center for Strategic and International Studies. 26 p.

22. Wood S. The European Union: a normative or normal power? *European Foreign Affairs Review*, 2009, no. 14, pp. 113–128.

23. Wood S. Energy security, normative dilemmas, and institutional camouflage: Europe's pragmatism. *Politics and Policy*, 2009, no. 37(3), pp. 611–635.

24. Baran Z. EU Energy Security: Time to End Russian Leverage. *The Washington Quarterly*, 2007, pp. 131–144.

25. Zielonka J. *Europe as Empire*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 293 p.

26. Kovacovska L. *European Union's Energy (In)security – Dependence on Russia*. Available at: <http://www.defenceandstrategy.eu/cs/aktualni-cislo-2-2007/clanky/>.

**NETWORK STRUCTURES AS A MODEL OF INTERACTION
BETWEEN STATE AND NON-STATE ACTORS
IN EU FOREIGN POLICY**

Sinegubov Alexey Leonidovich

Degree Seeking Candidate, Department of World Political Processes,
MGIMO-University MFA Russia
Counselor Embassy of Russian Federation in Latvia
sinegubov@mail.ru
Antonijas, 2, Riga LV-1010, Latvia

Safranchuk Ivan Alexeevich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Deputy Head, Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy, MFA Russia.
Associate Professor, Department of World Political Processes, MGIMO-University, MFA Russia
And6958@yandex.ru
b. Kozlovsky, 4, 107078 Moscow, Russian Federation
ul. Lobachevskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation

Abstract. This article studies the role of network structures in EU foreign policy. The role of networks in functioning of EU is analyzed as the model of interaction between state and non-state actors in contemporary world politics. Some studies, including the project of National Intelligence Council of USA, demonstrate that there is a tendency of growing influence of non-state actors. The model of interaction that has developed in EU can be considered as a model of the future. That's why the type of force used by EU is called "post-modern". This model is conducive to wide use of "soft power" and some of its variants including "normative" and "network" power. Quasi-federal character of EU's structure, which is characterized by many intersecting and delegated sovereign functions, is a reason of appearance of the analyzed model. Network practices and network technologies are widely used in the process of developing and realization of EU's policy on three levels: 1) development and realization of EU's general policy; 2) the policy of EU's enlargement and deeper integration of the newcomers into Europe's life; 3) the neighborhood policy and "Europeanization" of neighboring to EU states that cannot become EU members. The last dimension of EU policy causes a conflict with Russia, which makes this analysis politically relevant.

Key words: EU foreign policy, network, non-state actors, soft power, neighborhood policy.